

Титкова Наталья Евгениевна

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ И СТИЛЯ "АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРОПОВЕДИ" СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Статья посвящена изучению композиционно-стилевых особенностей проповедей святителя Игнатия Брянчанинова, намечает путь решения одной из актуальных задач современного литературоведения - определения индивидуального "почерка" наиболее авторитетных церковных писателей. На примере анализа произведений, входящих в состав сборника "Аскетическая проповедь", делается вывод о содержательности их композиционной архитектоники, реализации в них принципов гармоничного сочетания лаконизма, простоты с виртуозным использованием изобразительно-выразительных средств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Самую острую критику педагогов вызвала символика драматического опыта Толстого о первом винокуре (образы чертей, старшобо, картина ада). Авторы обзоров, обратившихся к темам народного и детского образования на материале этой комедии Толстого, объединила убежденность в том, что символическая форма, выбранная художником для иллюстрации его социальной этики в повествовательных и драматических жанрах народной литературы, недоступна простому читателю и очевидно вредит ему. Полезны в воспитательных целях только истинные знания – единственное верное средство воздействия на народный ум и чувства.

Список литературы

1. Бабкин П. И. О непротивлении злу. По поводу драмы «Власть тьмы» Льва Толстого. СПб.: Типо-лит. П. И. Бабкина, 1896. 92 с.
2. Граф Л. Толстой в литературе и искусстве. Подробный библиографический указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстом / сост. Ю. Битовт. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1903. 378 с.
3. З. В. <Зотов В. Р.> Библиография // Народная школа. 1886. № 11. С. 54-59.
4. З-в В. <Зотов В. Р.> Л. Н. Толстой как народолюбец // Народная школа. 1887. № 4. С. 51-55.
5. Народный театр. Сборник. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. 256+XXI с.
6. Обзор детской литературы за 1885–1888 гг. <Вып. III>. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1889. 70 с.
7. Педагогический указатель // Воспитание и Обучение. 1886. № 9. С. 184-192.
8. П-я-ъ Н. <Позняков Н. И.> «Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил». Комедия Льва Толстого. Издание «Посредника» М., 1886 // Женское образование. 1886. № 6-7. С. 465-470.
9. С.-Петербург, 15-го августа // Книжный вестник. 1886. № 15-16. С. 701-708.
10. Св. Е. <Свешникова Е. П.> Книги для народного чтения // Воспитание и Обучение. 1886. № 10. С. 201-206.
11. Сизова И. И. Критические отзывы на комедию Л. Н. Толстого «Первый винокур»: театральные и духовные издания (1886–1896) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5. Ч. 3. С. 43-47.
12. Сизова И. И. Современники Л. Н. Толстого о комедии «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» (по материалам фонда И. И. Горбунова-Посадова в РГАЛИ) // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / отв. ред. Л. В. Гладкова. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 219-226.
13. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения: с 3-х т. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889. Т. II. 976 с.
14. 28 книг, изданных складом «Посредник» // Русский начальный учитель. 1886. № 8-9. С. 412-423.

THE PEDAGOGICAL REVIEWS FOR L. TOLSTOY'S COMEDY «THE FIRST DISTILLER» (1886-1896)

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
u_sizova@bk.ru*

The article considers for the first time the pedagogical reviews for L. Tolstoy's comedy "The First Distiller" (1886-1896). The conclusion is that this work was perceived in the pedagogical environment as a product of another misconception of Tolstoy. The play was described as a failed literary illustration of his social ethics; Tolstoy was said to be slandering people; the symbolic images and pictures of the comedy were not accepted; it was claimed that the writer lost his literary talent and should stop his enlightening activity.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; comedy "The First Distiller"; pedagogical reviews; questions of education and training; drama for the people; social ethics of Tolstoy.

УДК 821.161.1

Статья посвящена изучению композиционно-стилевых особенностей проповедей святителя Игнатия Брянчанинова, намечает путь решения одной из актуальных задач современного литературоведения – определения индивидуального «почерка» наиболее авторитетных церковных писателей. На примере анализа произведений, входящих в состав сборника «Аскетическая проповедь», делается вывод о содержательности их композиционной архитектоники, реализации в них принципов гармоничного сочетания лаконизма, простоты с виртуозным использованием изобразительно-выразительных средств.

Ключевые слова и фразы: проповедь; литургический текст; композиция; стиль; архитектоника; метафоричность; лаконизм.

Титкова Наталья Евгеньевна, к. филол. н., доцент

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
nataly.arzamas@yandex.ru*

**ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ И СТИЛЯ «АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРОПОВЕДИ»
СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА**

Произведения святителя Игнатия Брянчанинова (1807-1867) – известного русского подвижника и духовного писателя XIX века – вошли в золотой фонд русской духовной культуры. Особое место в его многообразном духовном наследии занимают проповеди – поучения и слова, написанные для произнесения в церкви и келейного чтения. Их общим названием – «Аскетическая проповедь» – можно было бы озаглавить все собрание

сочинений Игнатия Брянчанинова, поскольку в нем выражен основной смысл и глубинный пафос его творчества. Изучение на категориально-текстовых основаниях индивидуального «почерка» отдельных проповедников, популярных в церковной среде как носителей элитарной речевой культуры, является актуальной задачей современного литературоведения [2, с. 65].

Для современного человека, ищущего четкие ориентиры в духовной жизни, аскетическая проповедь святителя Игнатия может стать надежным «компасом», к ней вполне применимо данное проф. А. И. Осиповым общее определение его духовного наследия как «своего рода православной аскетической энциклопедии» [4, с. 317]. Однако ценность духовного наследия Брянчанинова для современного образованного читателя заключается не только в его глубоком, серьезном, многогранном содержании, но и в совершенстве формы. Его поучения строго соответствуют риторическому канону и в то же время несут в себе отпечаток личности автора, имеют ярко выраженные стилевые особенности, которые можно охарактеризовать понятиями: «простота», «ясность», «точность», «метафоричность», «музыкальное изящество».

Особую значимость в определении художественного своеобразия проповедей святителя Игнатия имеет анализ их архитектоники, которая характеризуется четкостью, уравновешенностью смысловых частей, своеобразной музыкальной ритмичностью членения текста.

Яркой приметой стиля святителя Игнатия-проповедника следует признать одну особенность построения экспозиции. Экспозиция в его проповедях, как правило, содержит цитату из Священного Писания, которая становится смысловой доминантой всего поучения и зачастую выполняет функцию своеобразной цезуры, разграничителя смысловых частей текста. Эту особенность демонстрирует, в частности, «Поучение 1-е в неделю по Богоявлению». Его смысловой и ритмико-интонационный строй определяют слова Спасителя «Покайтесь, приближи бо ся Царство Небесное» [5, с. 9].

В названной проповеди, которая имеет заголовок «О покаянии», эта евангельская цитата становится основой всего построения: начиная, замыкая и пронизывая текст, она выполняет функцию его композиционного стержня [6].

Отмеченная особенность архитектоники поучающего слова у святителя Игнатия обнаруживается также в «Поучении в Неделю мясопустную (О втором пришествии Христовом)», в «Поучении в первый пяток Великого поста», в «Поучении во вторую неделю Великого поста (Значение поста для человека)» и многих других проповедях. Текст «Слова 2-го в неделю цветоносную» буквально пронизан цитатой из Священного Писания, в данном случае из 23 псалма: «Возьмите врата, князи ваша, и внидет Царь славы» (Пс. 23:7). Псалтирь является неиссякаемым источником вдохновения проповедника, поскольку в его строках, по справедливому замечанию современного исследователя, «мы слышим пульсацию духа человека, ритм его взволнованного сердца, которое плачет и радуется, страдает и надеется, отчаивается и ликует» [3, с. 102].

«Какие врата повелевается взять, чтобы соделать возможным вшествие Царя славы в богозданный град, в человека. Эти врата – грех» [5, с. 111]. Слово «грех» и связанное с ним представление о покаянии оказывается ключом к пониманию остальных элементов цитаты из псалма, к пониманию ее смысла.

Проповедь завершается прямым призывом к покаянию, который звучит одновременно и как вывод, итог размышлений автора над словами псалма, этим и усилен их пафос: «Отвратимся от греха, ради которого отворачиваете от нас Господь» [Там же].

Эта проповедь, как и многие другие поучения святителя Игнатия, строится по принципу последовательного истолкования каждого элемента лейтмотивной цитаты из Священного Писания, которая, таким образом, определяет его архитектуру, задает последовательность смысловых частей текста. Комментируя слова Священного Писания, проповедник ведет нашу мысль к идее покаяния как необходимого условия единения человека с Богом.

Иное построение имеют проповеди, посвященные толкованию уже не отдельных строк, а более объемных фрагментов Евангелия – притч Спасителя или эпизодов, повествующих о Его чудесах. Для них характерно членение на более крупные смысловые блоки. Такие проповеди, как правило, включают в себя:

- 1) экспозицию;
- 2) пересказ фрагмента священного Писания;
- 3) изложение святоотеческого толкования этого фрагмента;
- 4) собственное толкование;
- 5) заключительную часть, в которой мудрость, извлеченная из священного текста, звучит как императив.

Рассмотрим подробнее реализацию такого типа архитектоники на примере текста «Поучение в неделю блудного сына», имеющего подзаголовок «О покаянии».

В экспозиции святитель объясняет, почему эта притча оказалась литургическим текстом в ряду молитвословий, открывающих великопостный богослужебный цикл: необходимо подготовить верующих к прохождению трудного пути поста, перестроить само их восприятие, направить мысли вглубь сердца. Далее следует пересказ евангельской притчи, в котором, с одной стороны, ощущается стремление автора передать ее содержание как можно ближе к библейскому тексту, с другой – здесь явственно слышны интонации самого проповедника, выражающие его личное отношение к персонажам притчи.

Например, дойдя до момента, когда герой притчи «расточил имение свое» (Лк. 15:13), автор восклицает: «Несчастный, томимый голодом, рад был бы наполнить чрево тем грубейшим кормом, которым питались свиньи!» [Там же, с. 35]. В Библии этому эпизоду соответствуют эпически спокойные, эмоционально нейтральные строки: «И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лк. 15:16). Святитель не просто более или менее точно воспроизводит эти слова в пересказе: он выражает глубокое сострадание не только евангельскому «человеку некоему», но и всем заблудшим и растратившим

свое духовное богатство людям. Такой эффект возникает благодаря употреблению эмоционально насыщенных эпитетов: «несчастный», «томимый» (голодом), «грубейшим» (кормом).

Еще одним принципиальным отличием «риторического пересказа» евангельского сюжета является присутствие в таких фрагментах проповедей точных психологических характеристик персонажей. Проповедник стремится отразить их духовное состояние. В евангельском повествовании оно открывается из самого сцепления событий, поступков и слов действующих лиц. В проповеди мы обнаруживаем непосредственную характеристику персонажей, авторское раскрытие мотивации их поступков.

Например, евангельские слова «Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться» проповедник дополняет замечанием: «не только начал нуждаться, но и пришел в бедственное состояние» [Там же], имея в виду не только материальную нужду, но и плачевное состояние заблудшей души.

В пересказе эпизода объяснения отца со старшим сыном, который расценил поведение отца как нечто необычное, странное, святитель Игнатий дает свой психологический комментарий поступкам персонажа: «отец, воодушевляемый праведностью любви, пред которою всякая другая праведность скупа, ничтожна, возразил ему» [Там же]. Из характеристики духовного состояния персонажа выводится формула нравственного богословия: подлинная «праведность любви» противопоставляется внешней праведности, носителем которой выступает старший сын, всегда послушный воле отца. Таким образом, обращаясь к священному тексту, проповедник стремится обнажить его глубинные смысловые пласты, приблизить фигуры евангельских персонажей к читателю, страдающему духовным оскудением, бросить семена евангельских слов не только в сферу сознания, но и в глубину сердца современника и отдаленного потомка.

Для интерпретации образов и мотивов притчи автор проповеди использует толкование блаженного Феофилакта Болгарского – классический образец евангельской герменевтики (ссылка на этого автора дается в тексте проповеди: «см. толкование блаженного Феофилакта» [Там же]). Обратим внимание на то, что в этом пересказе «чужого слова» звучат неповторимые интонации самого святителя Игнатия, особенно явственно – в середине изложения толкования; при этом сигналом включения в чужой текст собственно авторского голоса становится риторическое восклицание, импульс которому был задан рассуждением бл. Феофилакта о греховных помышлениях и чувствах: «Напрасно вздумал бы человек заглушить эти помышления и ощущения исполнением их: они наиболее невыполнимы!» [Там же, с. 36] Проповедник рисует образ души, измученной грехом, при помощи риторических восклицаний, в которых благодаря использованию синонимической градации в характеристике духовных состояний нарастает звучание боли за человека: «Ужасна пустота души, которую производит греховная жизнь. Невыносима мука от страстных греховных помышлений, когда они кипят, как черви, в душе, когда они терзают подчинившуюся им душу, насилуемую ими душу» [Там же]. По сути дела, это образец блестящего использования стилистической фигуры нагнетания экспрессии. Она представляет собой последовательно повышающиеся ступени чувства, или «идей-чувств», как сказал бы Ф. М. Достоевский [1, с. 173]. Первое движение: «Ужасна пустота души...» / «Невыносима мука...», второе: «когда они кипят... когда они терзают». Как видим, оба уровня представляют собой двучленное композиционное построение, способствующее увеличению эффекта воздействия эмоциональной волны на читателя.

Завершая изложение толкования, проповедник дает краткую и точную формулировку общего нравственного смысла проповеди: «Из притчи Евангелия мы научаемся, что со стороны человека для успешного и плодотворного покаяния необходимы зрение греха своего, сознание его, раскаяние в нем, исповедание его» [5, с. 36]. Чтобы этот смысл дошел не только до ума, но и до сердца адресата речи, автор использует антропоморфизм, точнее выводит его на поверхность из смысловых глубин евангельского текста: «Обращающегося к Богу с таким сердечным залогом, еще далечу ему сушу, видит Бог, видит и уже поспешает к нему навстречу» [Там же].

Следующий фрагмент проповеди содержит собственно авторское восприятие притчи. На первый взгляд, создается впечатление, что к толкованию блаженного Феофилакта проповедник добавляет очень мало своего. Однако же в этих немногих словах сконцентрирован смысл, необыкновенно емкий по широте и глубине обобщения: «Евангельская притча – Божественное учение! Оно глубоко и возвышенно, несмотря на необыкновенную простоту человеческого слова, в которую благоволило облечься Слово Божие!» [Там же, с. 37]. Завершая эту характеристику, святитель обращается к церковной традиции и определяет место названного фрагмента священного текста в годовом круге евангельских чтений: «Какая весть может быть более утешительной для грешника, стоящего перед вратами покаяния, как не весть о бесконечном и неизреченном милосердии Небесного Отца к кающимся грешникам?» [Там же].

Проповедь завершается обращением пастыря ко всем, кто, внимая ему, присоединяется к неисчислимому множеству его духовных чад: «Возлюбленные братья! Употребим время, назначенное Святой Церковью для приготовления к подвигам Святой Четырдесятницы сообразно его назначению» [Там же]. В этом пламенном призыве с новой силой звучит основной лейтмотив проповеди, да и всего наследия святителя – идея воссоединения человека с Богом через покаяние.

Анализируемый нами текст представляет собой яркий образец искусного обращения автора с библейским и святоотеческим материалом, используемым для проповеди. Он красноречиво свидетельствует: даже там, где содержательной основой поучения оказывается исключительно «чужое слово», проповеднику удастся преобразить его таким образом, чтобы оно было более глубоко воспринято слушателем и читателем.

Проповеди святителя Игнатия, как видим, являют собой блестящие образцы ораторского мастерства: их содержание четко структурировано, а сама композиционная архитектура содержательна. Для них характерна координация логически ясного развития мысли с динамикой чувства. Они демонстрируют разнообразные типы развертывания темы и «сцепления» идей, принципы гармоничного сочетания лаконизма, простоты с виртуозным использованием изобразительно-выразительных средств.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с.
2. Ицкович Т. В. Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 64-68.
3. Лозовская Н. Живая музыка псалма // Мир Библии. 2001. Выпуск 8. С. 102.
4. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003. 432 с.
5. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова / составление и общая редакция А. Н. Стрижева. М.: Паломник, 2002. Т. 4. 783 с.
6. Титкова Н. Е. Архитектоника проповедей святителя Игнатия Брянчанинова // Жизнь провинции как феномен духовности: материалы международной научной конференции. Н. Новгород, 2004. С. 159-164.

**SPECIFICS OF COMPOSITION AND STYLE
OF THE “ASCETIC EXPERIENCES” BY ST. IGNATIUS BRIANCHANINOV**

Titkova Natal'ya Evgenievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
nataly.arzamas@yandex.ru

The article is devoted to studying the compositional and stylistic peculiarities of the sermons by St. Ignatius Brianchaninov. The author proposes an approach to address the relevant problem of the modern literary criticism which involves identifying the individual style of the most authoritative ecclesiastical writers. Analyzing the works included into the “Ascetic Experiences” the author concludes on the meaningfulness of their compositional architectonics and shows how the laconism and simplicity of sermon language are harmoniously combined with the virtuosic use of figurative-expressive means.

Key words and phrases: sermon; liturgical text; composition; style; architectonics; metaphorical nature; laconism.

УДК 82-14

В статье рассматриваются образы Донны, Поэта и адресата петрарковской «Книги песен». Обращается внимание, что новый возрожденческий индивидуализм практически никак не затрагивает образ Лауры, которая становится воплощенным символом поэзии и славы. Образ Поэта, напротив, носит ярко выраженный субъективный характер. Но наиболее интересен образ адресата «Канцоньере». Это фактически любой читатель, причастный возрожденческой культуре, еще лишенной позднейших представлений о приватности.

Ключевые слова и фразы: Возрождение; Петрарка; Лаура; Поэт; читатель; адресат; идея; символ; индивидуализм; публичность; приватность.

Флорова Валерия Сергеевна, к. филос. н.
Московский педагогический государственный университет
vsflorova@rambler.ru

ДОННА, ПОЭТ И АДРЕСАТ В «КАНЦОНЬЕРЕ» ПЕТРАРКИ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00531.

«Канцоньере» Петрарки представляет собой великолепный синтез провансальской лирики и поэзии *dolce stil nuovo*. Но этот синтез был бы невозможен без того нового понимания человека, которое принёс с собой Ренессанс. Ощущение самости, постепенное осознание ценности человеческого бытия во всех его проявлениях стало высшей реальностью для Возрождения. Именно поэтому так интересно рассмотреть образы Донны, Поэта и читателя-адресата в любовной лирике Петрарки. Ведь здесь можно воочию увидеть человека, впервые ярко осознавшего свою самобытность и неповторимость.

В самом образе Донны возросшая субъективность еще никак не проявляется. В свое время А. Н. Веселовский справедливо заметил, что «Петрарка воспевае Лауру, в сущности, как трубадур» [3, с. 264]. ««Книга песен»», – замечает русский исследователь, – такой же нереальный роман, как любовные признания средневековых поэтов; Лаура такой же тип, в котором слились многие, живые и фантастические Лауры: поэтическое обобщение всего, что поэт пережил и способен был пережить в области своего аффекта» [4, с. 230]. Однако если Лаура не более реальна, чем, например, легендарная возлюбленная Бернарта де Вентадорна, то что же отличает её настолько, что для всех последующих поколений именно она, а не Алиенора Аквитанская, воплотила в себе идеал красоты?

Еще до личного знакомства с Петраркой Боккаччо так писал о его Донне: «Петрарка ярко воспел любовь к некоей Лауре. Мне кажется, что имя Лаура употреблено им аллегорически вместо названия лаврового венка, которого он впоследствии добился. Думаю, что это именно так» [2, с. 399]. Замечание неверное фактически, но абсолютно верное эстетически. Художественная значимость Лауры заключена в ее имени, представляющем для поэта идею красоты, поэзии и славы. Поэтому Донна воспринимается Поэтом не столько как реальный человек, сколько как *земное воплощение своего имени*. Разумеется, в такой эстетической системе нет места Лауре как реальному лицу или даже как литературному персонажу. Это не живая женщина, а символ. Как отмечает Дж. Керриган, поэт словно отторгает от себя живой – будничной – прототип своего поэтического образа. «Августин, персонаж “Моей тайны”, говорит нам, что сама женщина умрет молодой и уже